

ОТЗЫВ

на диссертацию Майорова Анатолия Александровича «Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI вв.», представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности

5.6.1 – Отечественная история

Диссертационная работа А.А. Майорова «Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI вв.» весьма объёмна (содержит 647 страниц) и обширна по хронологическому диапазону, охватывая период с VIII по XVI в. В ее основу положена идея о существовании на протяжении нескольких столетий особого исторического региона, обладающего целым рядом специфических черт. «Сквозной» характер темы в немалой степени обуславливает ее актуальность и новизну.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы. Во введение автор формулирует цель и основные задачи, стоящие перед исследованием, характеризует источниковую базу, определяет объект и предмет своих изысканий. В целом этот раздел по своему построению логичен, и автор действительно вводит читателя в свою гипотезу, которая в дальнейшем является стержнем всего исследования. На мой взгляд, нужно было бы только несколько детализировать свое понимание нижней хронологической грани диссертационного сочинения, которая немного плавает. Уже из самого названия следует, что она приходится на VIII столетие. Эта начальная хронология является опорной и в дальнейшем. Однако на с. 13 «Введения» автор уже говорит о Верхнеокском (Верховском) историческом регионе IX–XVI вв. К IX в. отнесено сложение исторического феномена и на с. 38.

Первая глава посвящена вопросам историографии и методологии исследования. В качестве источников А.А. Майоров использует значительный по объему информационный массив, включающий в себя наряду с данными летописей, хроник, иных повествований и сообщений, заметное количество результатов археологического изучения рассматриваемых территорий, итогов историко- и физико-географического анализа, а также ряда специальных исторических и иных научных дисциплин. Нельзя сказать, что такой подход ранее не использовался в исторической науке, но относительно рассматриваемых земель Верхнеокского бассейна он применяется

впервые. Несомненной заслугой автора следует полагать составление либо приведение к единому стандарту большого числа оригинального картографического материала, что позволило наглядно проиллюстрировать ряд демографических и политических тенденций рассматриваемого региона на протяжении нескольких сот лет.

Обоснованию такого подхода, собственно, и посвящена основная часть первой главы. Обширен и вполне полон историографический обзор заявленной темы, которому отведен отдельный параграф. Понятен и обоснован предложенный алгоритм методики «регионально-исторического исследования», как сам автор определяет свою работу, включающей в себя пять последовательных этапов: определение очертаний границ, фиксация «реперных точек», оценка уровня вовлечённости региона в систему торговли, отбор, классификация и анализ прочих видов дополнительной информации, и в завершение – построение единого повествования на основе собранной, обработанной и подготовленной информационной базы. В этой связи следует указать на использование в данной работе методики «плавающего признака», что позволяет при сохранении единого аналитического стандарта давать корректные оценки значимости той или иной части рассматриваемых процессов. Это даёт возможность в определенной степени заполнить полученными данными имеющиеся информационные лакуны, возникающие из-за характерного для данной эпохи и территории явного дефицита письменных сообщений.

В главе II «Начало славянской истории верхнеокских земель» автор обращается к крайне сложной теме, в основе которой лежат главным образом данные археологии, которые дополняются хронологически параллельными письменными сообщениями как восточных, так и западных источников. Интересна и в целом плодотворна трактовка автором причин славянской колонизации рассматриваемых территорий, среди которых автор, в первую очередь, указывает не демографическую, а, скорее, политико-экономическую и торгово-транспортную повестку Восточной Европы. Вполне достоверно представлена картина из нескольких этнокультурных элементов формирования новой этнополитической общности «вятичи». Автором выдвигается и в целом обосновывается тезис о высокой значимости прочных экономических и политических контактов вятичского объединения с рядом внешних партнеров как фактора поддержания присущей вятичам степени суверенитета. Учтены были результаты недавних изысканий, согласно которым определенную роль в этом процессе сыграли балты в лице носителей мощинской культуры.

Автор считает, что «совместная тесно координируемая деятельность стала одной из важнейших причин зарождения фактического союза вятичей с их юго-западными соседями – северянами и юго-восточными соседями – донскими славянами». Это привело к формированию своего рода «тройственного союза» (с. 163). Эта гипотеза, сформулированная впервые более трех десятков лет назад, сегодня, на мой взгляд, не имеет прямых подтверждений. Близость многих материальных проявлений не может служить свидетельством такого союза. Наглядный и очень близкий пример тому – лука-райковецкая культура правобережья Днепра, носители которой соответствовали целому ряду восточнославянских племенных объединений. Значимым аргументом в пользу этой гипотезы являлись находки обрезанных в круг дирхемов, однако сейчас установлено, что они в подавляющем большинстве случаев характерны для ограниченного региона роменского ареала – междуречья Сейма и Псла – «Посемья» летописей.

Отмечу отдельные неточности в этой части главы. Автор считает миграционный приток волынцевцев «неславянским» и только роменцев соотносит со славянами (с. 127). В результате становятся понятными некоторые отмеченные выше колебания в определении начальной хронологии предмета исследования. Однако древности VIII – начала IX в. типа Сахновки-Волынцево подавляющее большинство исследователей соотносит со славянами, причем эти памятники представляют собой основу формирования роменской культуры. Не стоит противопоставлять подсеку мощинцев (прием подготовки почвы) пашенному земледелию роменцев (прием обработки почвы) (с. 123), так как они вполне могут сочетаться. К некоторому недоразумению отношу мысль о переселении после разгрома Русью части роменцев с юга в Поочье, что должна была подтвердить ссылка на мои работы (с. 172, 173). Нельзя этого исключать, однако я писал о возможности противоположной по направленности миграции, вероятно, принудительной, какой-то небольшой группы населения во второй половине XI в.

Совершенно понятны сложности, с которыми столкнулся автор при анализе истории верхнеокского региона в XI в. Здесь все также ведущими остаются археологические источники, которые имеют крайне неполный с позиций исследованности характер. Начнем с того, что для большей части этого огромного региона до сих пор не установлена хронологическая граница финала роменской культуры. Если принять точку зрения А.В. Григорьева, которой придерживается и диссертант, о существовании здесь роменцев вплоть до первой половины XI в., то на заметную часть этого столетия приходится своего рода лакуна, очень слабо заполненная археологи-

ческими материалами. Даже время появления масштабнейшим образом исследованной Рязани, которую, правда, автор оставляет за географическими рамками своего повествования, остается неясным. Попытки выделить в этом городе материалы 1-й половины XI в. выглядят пока неубедительно, хотя роль этого центра в качестве значительного форпоста русской колонизации Поочья особых сомнений не вызывает. На сегодняшний день с точки зрения археологических реалий единственным «кандидатом» на «звание» вятичей во главе с Ходотой и его сыном пока может претендовать только роменское население памятников Москворечья, которое доживает до начала XII в., при этом в финале явно испытывая заметное русское влияние. Автор в целом смог «дожать» имеющиеся в его распоряжении источниковые «крохи», дав свое видение истории Верхнеокского региона в это «темное» время. Отмечу только, что вряд ли стоило использовать в этой главе материалы ингумаций с «вятическими» семилопастными височными кольцами. В свое время Т.В. Равдина, скрупулезно проанализировав курганные материалы в своей кандидатской диссертации, которая хранится в архиве ИА РАН, убедительно доказала, что этот комплекс с этими украшениями сформировался не ранее 10-х гг. XII в. Однако и исторически, и археологически это уже другая эпоха.

В главе III «Верхнеокские земли под властью черниговских князей» на основании археологических данных, также доступных письменных сообщений прослеживается процесс постепенного поглощения территории черниговскими Рюриковичами. Проводится сопоставление хода модификации территориально-демографической структуры расселения местного населения с ходом известных политических и идеологических процессов как внутри региона, так и на иных русских землях. Автор работы делает акцент на наличие связей «черниговского» периода с «вятическим» и приходит к выводу об определенной преемственности между ними. Несмотря на потерю административной самостоятельности, специфичность верхнеокской территории как культурного и этно-демографического объекта сомнения не вызывает. Соискатель предлагает интересные уточнения административно-территориального деления, анализирует процесс окняжения и христианизации бывших вятических земель.

В целом можно принять представленную автором модель развития региона в этот период, хотя, на мой взгляд, все-таки прямой, непосредственной преемственности между «вятическим» и «черниговским» периодами не было. Вполне допускаю, что А.А. Майоров прав, однако, как я уже сообщал, пробелы в данных археологии по этом вопросу являются существенными. Тем не менее, соглашусь с автором в том, что самобытность,

определенное своеобразие рассматриваемого региона прослеживается и в «княжескую» эпоху. Исследовательской перспективой обладает предположение о возможности включения в число зависимых от Мстислава Владимировича вятичей на правах своего рода наследования от отца.

К числу несущественных замечаний относятся следующие. В предыдущей главе уже поднимался вопрос о переселении роменцев и донских славян под давлением Руси в Поочье. На с. 212–214 автор возвращается к этому сюжету, причем опять присутствует ссылка на одну из моих статей, в данном случае, о судьбах северян-роменцев на примере ранней истории Курска, где, однако говорится как раз о заметном роменском субстрате в демографической картине города этапа становления. Таким же возвратом является и пассаж о вятичских украшениях. Соискатель, ссылаясь на статью Т.В. Равдиной «Древнейшие семилопастные височные кольца» (Советская археология. 1975. С. 223), относит их появление к середине или началу 2-й половины XI в. Однако именно на указанной странице Тамара Владимировна делает вывод о том, что анализируемые височные кольца типа «Сельцо» не имеют отношения к тем классическим украшениям, которые со времен Александра Андреевича Спицына и позднее Артемия Владимировича Арциховского связывались с вятичами. Картография, кстати, также против этого.

В главе IV «Политическая история Верховских княжеств с середины XIII в. до конца XV в.» рассмотрен длительный и сложный период собственно «верховской» истории: время падения Черниговского княжества в ходе монгольского завоевания, потеря черниговской династией нового стольного города Брянска и формирование в регионе самостоятельных Верховских княжеств. На мой взгляд, очень ярко и убедительно показана позиция их князей, которые крайне умело воспользовались расположением своих владений между тремя «центрами силы» – Москвой, Литвой и Ордой, в сфере влияния которых они находились на протяжении второй половины XIII – XV столетий. В результате был сформирован уникальный статус Верховских княжеств, в основе которого было законное служение местных династий «на обе стороны» по специальному «докончанию» (договору). Стоит отметить и оригинальную трактовку А.А. Майоровым причин перехода брянско-черниговского великокняжеского стола к смоленской династии, а также возникновения и сохранения на протяжении двух веков в качестве суверенных, легитимных и, вместе с тем, относительно небольших Верховских княжеств как результат прямого вассалитета их правителей, потомков черниговского дома Рюриковичей, ханам Орды. В это связи выглядит обоснованным предположение о фактическом сохране-

нии особого высокого статуса новосильского княжеского дома как признанного наследника черниговской великокняжеской династии, что подтверждается наличием отдельного «взимка» в пользу ордынских наследников. Диссертантом справедливо отмечено значительное влияние эпидемий середины и второй половины XIV в. на стремительную деградацию и упрощение сложившейся к тому времени ордынской управленческой системы на военно-политическую ситуацию в Восточной Европе в целом и получение, в частности, верхнеокскими князьями особого административно-политического статуса, который был признан всеми её значимыми участниками. Фактически произошло восстановление в немалой степени самостоятельного Верхнеокского региона, тесно связанного династически с домонгольскими черниговскими великокняжескими структурами, размещавшимися на землях бассейна Верхней Оки, что позволяет подтвердить позицию автора в вопросе наличия признаков преемственности и в отношении более ранних периодов. На основе археологических данных вместе с сохранением освоенности южных земель прослеживается постепенное перемещение основных поселений региона к северу.

Особый статус новосильского дома в лице наследовавших ему одоевских, воротынских и белевских князей и их потомков позволил Верховским княжествам занять вполне значимое место в восточноевропейской политике и, как следствие, весьма эффективно им пользоваться к собственной выгоде. Такого рода статус дал верховским князьям возможность в отличие от большинства прочих *немосковских* князей оригинальным путём войти в состав формирующегося Русского централизованного государства в начале XVI в. и, более того, весьма длительное время сохранять ряд специфических привилегий. Отмечу, правда, что § 6 «Верховский (Верхнеокский) регион в конце XV – начале XVI в.» несколько выходит за пределы заявленных хронологических рамок главы и фактически должен быть отнесен уже к следующему разделу работы. Автором предлагается ряд новаций в изложении последовательности исторических событий, связанных не только с Верховскими княжествами, но и с прочими верхнеокскими землями, в частности, с так называемом «баскачеством Тайдуллы», а также и Мценским наместничеством, что вполне успешно заполняет лауну, относящуюся к их истории.

Глава V «Верхнеокские земли в составе Российского централизованного государства в конце XV – XVI вв.» является завершающей. В ней на основании имеющихся источников прослежены процессы постепенного, растянутого во времени (до второй половины XVI в.) поглощения земель Верхнеокского региона Русским централизованным государством. Под-

тверждается длительное сохранение специфической местной судебной, правоохранительной и отчасти оборонительной системы, наиболее наглядно прослеживаемое по материалам, относящимся к князьям Воротынским. Ряд сюжетов общерусской истории, конкретно – взаимоотношения с западными соседями («новосильский державец» из переписки Ивана IV), Крымом («одоевский взимок»), репрессалии в отношении Воротынских и Одоевских времён Опричнины – явно и чётко трактуются именно при рассмотрении верхнеокской региональной истории.

Вместе с тем диссертант обоснованно отмечает, что общерусская административно-управленческая традиция, поощрявшая перемещения титулованных управленцев по всей территории государства, стала одной из важных причин потери внутренних связей в Верхнеокском регионе, ранее поддерживавшихся весьма значимым династическим единством. Административная, военная и юридическая ассимиляция региона стала абсолютно неизбежной. Исследуемый регион превратился в одну из пограничных южнорусских областей, ориентированных, прежде всего, на охрану и оборону границ. Диссертант пришёл к выводу, что во второй половине XVI в. Верхнеокский регион полностью потерял признаки внутреннего единства и прекратил своё существование в виде «самостоятельного».

В «Заключении» автор подробно резюмирует итоги своих изысканий.

Разработанная и предложенная А.А. Майоровым периодизация верхнеокской истории представляется вполне обоснованной. Для подтверждения рабочей гипотезы автор привлекает большое количество источников, ранее не использовавшихся при рассмотрении заявленной проблематики, в том числе архивные и музейные материалы, часть которых впервые вводится в научный оборот. Комплексный подход с привлечением данных из самых разных областей знаний в очередной раз продемонстрировал свою действенность. Полученные результаты интересны, а выводы, сделанные исследователем, представляются вполне обоснованными и подтверждают положения, выдвигаемые на защиту.

На фоне общих достоинств работы упомяну и о некоторых её недостатках общего характера. Полагаю, что текст можно было ощутимо сократить за счёт уменьшения цитирования, нередко весьма значительного. Если это оправдано при обращении к источникам, то вряд ли являлось всегда необходимым в случаях с публикациями различных исследователей. Не исключаю, хотя здесь, конечно, должно признаваться право автора, что следовало бы «подрезать» некоторые сюжеты (например, о вероятных связях местных правителей с моравской традицией, возможных отношениях

вятичей с хазарами и булгарами, анализ особенностей христианизации региона, излишняя детализация ряда малозначимых сюжетов внутридинастических отношений конца XV в.). Ощущается, что работа прошла длительный путь становления, поскольку в ней попадаются описки и стилистические огрехи. Из их же числа – пропуски в списке библиографии ряда работ, упомянутых в тексте.

Сделанные замечания не имеют существенного характера и не влияют на основные выводы работы. Как официальный оппонент могу сообщить членам диссертационного совета, что диссертация А.А. Майорова как полноценное и значимое научное исследование состоялась. Поставленная цель достигнута, основные задачи, сформулированные автором, решены.

Считаю, что диссертация Майорова Анатолия Александровича «Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI вв.» соответствует критериям, которые определяются пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденными Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. (в ред. Постановления Правительства РФ № 1539 от 11.09.2021 г.), а ее автор заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 - Отечественная история».

Директор НИИ археологии юго-востока Руси,
профессор кафедры истории России
Курского государственного университета,
доктор исторических наук

В.В. Енуков

31.08.2022

Контактные данные:

Тел. 8-920-266-23-03, e-mail: vvenukov@gmail.com

Специальности, по которым защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история, 07.00.06 – Археология

Адрес места работы:

Российская Федерация, 305000, г. Курск,

ул. Радищева, д. 33, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

тел. (4712) 70-05-38

e-mail: info@kursksu.ru

Подпись В.В. Енукова
завещаю специалист по кадровой работе
31.08.2022

